

Лу Цзе от всего сердца не хотел плохого влиять на Лу Юаня, и насчёт этого дела он должен был дать ему объяснение:

— Мы просто берём друг от друга нужное, у меня есть чувство меры. Иначе ты думаешь, твоя тётя смогла бы это терпеть?

Его слова были туманны, но Лу Юань понял его смысл. Как и он в прошлой жизни: сколько бы ни встречался с юными моделями и актрисами, в конце концов всё равно женился бы на доброй, мягкой и заботливой жене, выбранной родителями, и спокойно прожил с ней остаток дней.

Будь что будет, и как бы ни вёл себя Ли Цун, для Лу Юаня самым важным сейчас была операция Лу Цзяньго.

Эндоскопическая подслизистая диссекция как малоинвазивный метод лечения заболеваний ЖКТ за последние годы достигла совершенства. Дядя пригласил множество экспертов в области рака желудка для консилиума, а операцию лично проводил заместитель главврача, признанный специалист в этой сфере. При таком количестве подстраховки вероятность осложнений была ничтожна.

Однако предоперационная подготовка была настоящей мукой.

Операцию назначили на четверг, на девять утра. Дедушка начал голодать с полудня вторника; голод сводил его с ума, характер стал невыносимым. Даже любимую дочь он встретил холодом, а Лу Синцзюнь и вовсе досталось: тот ехал издалека, но даже к кровати подойти не мог — стоило приблизиться, как сыпались ругательства, и дедушка во всех видел изъяны.

Лу Синцзюнь говорил, что люди, как бы они ни вели себя обычно, во время болезни становятся капризными детьми — их нужно гладить по шерсти и ублажать.

Малыш Лу Юань попал под горячую руку первым.

— Дедушка~ Дедушка~

Старик на кровати притворился спящим, не реагируя.

Лу Юань, потеряв стыд, подсел к нему и нарочно детским, сюсюкающим голосом заулыбался:

— Вы не спите, а то голова заболит. Утром уже операция, давайте поболтаем~ Отвлечёмся, и голод не так будет чувствоваться.

В прошлой жизни у дедушки был рак желудка последней стадии; химиотерапия, невозможность есть и пить, он превратился в живой скелет, но ни разу не пожаловался на боль и не вспылал. Перед лицом болезни и смерти он всегда сохранял спокойствие, что вызывало у Лу Юаня не только грусть, но и восхищение.

Сейчас же...

— Не мешай! Почему ты не пошёл завтракать!

Очевидно, он злился из-за того, что все пошли завтракать.

Лу Юань глядел на дедушку с серьёзным видом:

— Мы должны делить и горе, и радость. Вы не едите — значит, и я не буду.

Дедушка фыркнул, но лицо его заметно смягчилось.

Лу Юань чуть выдохнул. Врач предостерегал: нужно, чтобы пациент пребывал в хорошем настроении — тогда восстановление пойдёт лучше.

Он точно знал, как развеселить дедушку:

— Дедушка, я вчера новость читал: в стране X гражданская война началась. Трудно представить, что в мирное время бывают такие войны. Люди идут по улице, и вдруг на них бомба падает. Ужасно.

— Это ещё везение. Мы раньше воевали, не боялись умереть, боялись только не умереть. — Говорят, старикам свойственно в молодости буйствовать, вспоминая подвиги, и Лу Цзяньго воспрял духом. — Я с твоей бабушкой вскоре после свадьбы в армию ушёл. Сел в поезд — и тут же пожалел: а если не вернусь? Как же тогда бабушка? Неужели всю жизнь обуза? А потом думаю: а если вернусь без руки или без ноги? Ей же придётся за мной ухаживать всю жизнь.

Вспоминая покойную жену, в глазах Лу Цзяньго блеснули слёзы.

Лу Юаню тоже стало не по себе. Он ловко перевёл тему:

— Я бы на вашем месте ни за что не пошёл в армию. В те времена я бы, наверное, стал предателем.

Дедушка покачал головой:

— Ваше поколение так всегда думает. Но если враг придёт к твоему порогу, ты, молодой и крепкий, не пойдёшь в атаку — и вся твоя семья погибнет под пулями. Пойдёшь или нет? Говорят «защищать Родину», но по сути большинству изначально хочется защитить свой дом. И только став настоящим солдатом, понимаешь, что такое защита Отечества. А иначе ты думаешь, я бы бросил бабушку одну?

— ...Ну вы всё равно молодец, столько наград получили, командующим стали. А я бы на вашем месте наверняка пушечным мясом стал.

— Человеку всегда должна быть цель, к которой стремиться изо всех сил. А то зачем тогда жить?

— ...

Видя, что Лу Юань замолчал, старик на кровати слегка повернул голову и спросил:

— Ты и дальше так собираешься жизнь прожигать?

Лу Юань виновато опустил голову:

— Я не жизнь прожигаю...

Лу Цзяньго смотрел на его лицо: пять-шесть черт напоминали покойную жену, две-три — невестку Сун Чжаоди, и только одна часть пошла от рода Лу — красная родинка на губе. Лицо сияло сладостью и счастьем, и любой, глядя на него, сказал бы, что ему суждена счастливая жизнь.

Но судьба не predeterminedена при рождении, её нужно выстраивать самим, шаг за шагом.

— Не думай, что я не знаю, чем ты в школе занимаешься. Ты, наверное, думаешь: закончишь учёбу, вернёшься в страну, папе в компании найдёшь тёплую местечко и будешь там сидеть.

Именно так он и думал.

В прошлой жизни Лу Юань так и планировал, только потом дела Шэнь Мулия пошли в гору, и он стал реально крупным акционером SIL, нашёл местечко получше и просто сменил место, где бездельничал...

— Сяо Юань, дедушка не ждёт, что ты великое свершишь, ты и не на это создан. Дедушка просто надеется, что когда доживёшь до моих лет, и дети тебя спросят о молодости, ты не будешь открывать рот и не сможешь ничего сказать.

Лу Юань понял: он думал, что управляет разговором, но на самом деле дедушка с первого слова знал, как прочитать ему лекцию, обходя рвы и переправы, чтобы привести к нужной мысли и оставить его без ответа.

Вспоминая свою прошлую жизнь, он ровно прожил тридцать лет, но если бы попросили его «вспомнить молодость», он бы не нашёл слов, не то что чтобы похвастаться.

— Тогда... — Лу Юань хотел спросить дедушку, как ему стоит жить, но подумал, что, возможно, и до тридцати не доживёт, и слова вышли другими. — А если я смогу дожить только до тридцати?

Если бы у Лу Цзяньго были силы, он бы точно сел и отвесил ему подзатыльник:

— О чём ты у себя в голове думаешь круглосуточно?

— Да просто... разговор.

— Похоже, ты хочешь, чтобы я тебе сказал: жизнь коротка, наслаждайся моментом.

Лу Юань прищурился:

— Разве это не так?

Лу Цзяньго набрал в грудь воздуха, чтобы отругать его:

— Чепуха! Только дурак может радоваться, забыв обо всём. Это жизнь? Я с тобой больше разговаривать не буду, сам думай.

Видя, что на лице Лу Юаня, кроме дурацкой улыбки, нет ни проблеска понимания, он тяжело вздохнул:

— Дубовая голова — это про тебя.

Едва он это сказал, как дверь палаты распахнулась — все, кто ходил завтракать, вернулись и попали под горячую руку дедушки. Лу Юань схватил яблоко и тихонько выскользнул из палаты.

На улице было раннее утро, в больнице царил тишина, а в лестничном пролёте и вовсе никого не было. Лу Юань сел на ступеньку, откусил яблоко и начал размышлять над словами дедушки.

Ради чего он вообще живёт?

Лу Юань долго крутил это в голове, словно попал в замкнутый круг, и в своей деревянной башке находился лишь один ответ, который его ужасно раздражал.

Ради Шэнь Мулия и Чжоу Сихэ.

Большое круглое яблоко было сгрызено за несколько яростных укусов, осталась только сердцевина. Лу Юань взял её за кончики и, размахнувшись, запустил в окно лестничного пролёта.

Сделав это, он вдруг вспомнил слова Ли Цуна о том, что нельзя портить общественное имущество.

Лу Юань вздрогнул, огляделся вверх и вниз, но Ли Цуна нигде не было.

Точно, не может же быть каждый раз так совпадать.

Лу Юаню стало ещё раздражительнее.

...

Ровно в девять утра Лу Цзяньго увезли в операционную. Это была небольшая операция, время шло недолго, и семья, ожидавшая снаружи, особо не волновалась: сидели или стоя и болтали о разном.

Лу Синна и Сун Чжаоди редко виделись, и тем для разговора было мало — в основном дети. Лу Синна очень завидовала Сун Чжаоди, твердила, что у той один сын талантливый, другой заботливый, отчего Сун Чжаоди всё смеялась, а Лу Цзе лишь кривился.

Сун Чжаоди всегда была добра и приветлива, она обняла Лу Цзе:

— Смотри-смотри, твой любимый сын уже слушать не может.

<http://bllate.org/book/16406/1486204>